

МИХАИЛ ПТАШУК:

Культура. - 2001. - 8-14 февр. - с. 8

От госмашины 44-го мы не отошли

15 лет Республика Беларусь не привозила в Москву свои культурные достояния. И вот случилось. Дни культуры открылись в Большом театре балетом "Страсти", в Манеже – выставкой изобразительного искусства, в Доме Ханжонкова – премьерой фильма "В августе сорок четвертого" Михаила ПТАШУКА. О фильме газета "Культура" уже писала. Работа над ним двигалась медленно, обрстая все большим количеством слухов. Режиссера обвиняли в том, что его картина опустошила все финансовые "запасники" и полностью заблокировала другие проекты. Михаил Пташук не сам пришел к прозе Богомолова, а по "наводке" Госкино. Картина требовала денег, и немалых. Беларусь со своими возможностями не могла полностью обеспечить рождение картины. Основные деньги шли из Госкино (70 процентов), но и их не хватало. После семимесячной консервации фильма Пташук лично обратился к господину Семаго, тогда еще депутату, с просьбой помочь. И Семаго нашел деньги и выступил в роли продюсера картины. Помогал чем мог и Александр Лукашенко, правда, позднее обвинивший фильм в "небелорускости". Автор романа Владимир Богомолов изъял свое имя из титров, так как многие его не устраивало. В фильме "В августе сорок четвертого" работали русские, белорусы и поляки.

– У меня всегда проблемы. Когда я снимал по Быкову "Знак беды", картину запретили. Потом были сложности со сценарием Евгения Григорьева "Наш бронепоезд". Там тема поднималась антисталинская, значит, нельзя. "Наш бронепоезд" выпустил на волю Горбачев. Уже в перестроечное время сложности возникли с картиной "Кооператив-политбюро".

И несмотря на это, мне кажется, что наши власти всегда хорошо относились к кино, более терпимо, чем к другим видам искусства. Потому что дело не в кино, а в человеке, в ценности его идеи. Если человек хороший пришел с достойной идеей, то ее всегда можно пробить. Конечно, труднее всего пробивать социальные картины, касающиеся власти.

Актуален ли мой фильм сегодня? Мне кажется, что время романа только пришло. Уникальность этого произведения в том, что в нем нет реального врага, а затронута сложнейшая проблема внутренних взаимоотношений, когда наши работают на Запад, когда на поле боя брат встречается с братом, и враг и невраг – оба в погонах советского офицера. Плюс мощная машина страны, закручивающая вин-

тики, чтобы задушить человека. А человек пытается найти себя, выстоять, не перекрутиться и, мало того, вершить добрые дела. Прежде всего это история о молодых ребятах, которые жертвовали собой, чтобы выполнить долг перед Родиной. В дремучем лесу, как в стогу сена, оперативная группа капитана Аলেখина ищет "иглоку" – шпионский передатчик и тех, кто на нем работает. От первой находки – маленького окурка – выстраивается целая цепочка улики. Группа осмелилась не подчиниться приказу Сталина, так как точно знала, что разработанный ими план должен сработать. И Ставка может ошибаться. Рисковали быть расстрелянными, если не врагами, то своими.

– Чем вы руководствовались при подборе артистов? Почему не привлекли к работе свою дочь-актрису?

– Моя дочь окончила Щепкинское училище, потом работала в Театре Спесивцева и вдруг вышла замуж за священника. Театр, кино закрыты для нее. Церковь запрещает лицедейство. Моя реакция на случившееся? Конфликтует до сих пор. Дочь вернулась в Минск и стала матушкой, но, с другой стороны, я счастлив, что она в этом болоте

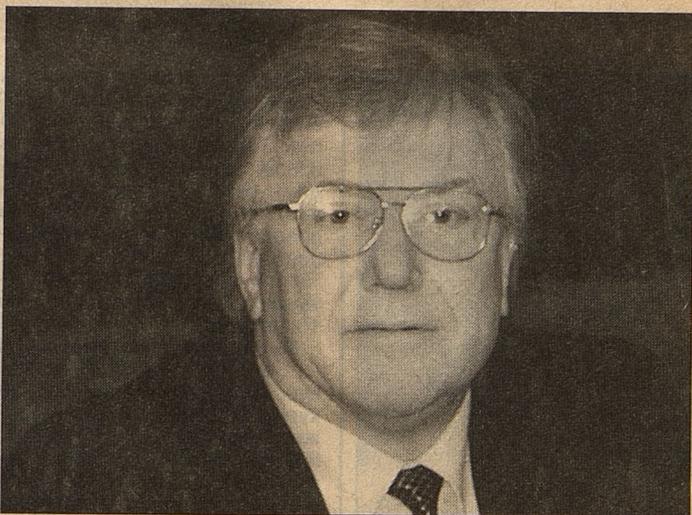

Фото автора

не будет возиться. Что касается моего выбора актеров, то не скрываю, что люблю Алексея Петренко всю жизнь. Вот он и со мной. А остальных, тоже любимых артистов, мне хотелось показать в ролях, не только для зрителей непривычных, но и для них самих, чтобы не было актерских повторов, и еще я добивался достоверности во всем, и прежде всего в возрасте. Если Блинову 18 лет, то и артисту должно быть столько же. В Москве оказалось очень много актеров, мечтающих сыграть Таманцева, даже Саша Абдулов хотел эту роль, но возраст. Надо 25 лет! Молодежь, которая у меня снималась, точно соответствует и типажам, и времени, что очень важно для военной картины. Как только Евгений Миронов переодевался в военную форму и выходил на площадку, сразу вокруг него образовывалось другое временное пространство. Это очень помогало работать.

– Что было самым трудным?

– Зависимость от финансирования. Хотя помогли все: Россия и Беларусь, железнодорожники и министры. Очень проблематично было найти объект для съемок. Как снимать деревню, город 1944 года? Мы нашли единственную железнодорожную ветку, которая была не электрифицирована. И специально приезжали туда издалека. Один двухосный состав из сорока вагонов, каких в помине нет, чего стоило раздобыть. А загрузить его техникой сороковых годов? Шутка? Специально для нас на заводе переоборудовали "Зи-

лы-157" под "Студебеккеры". Ведь их теперь нет нигде. И если такую машину раздобыть, то ее эксплуатация за смену обойдется в сотни долларов.

– Почему фигурируют два названия фильма – то "В августе сорок четвертого", то "Момент истины"?

– Да сам Богомолов предлагал два этих названия для романа. Но я остановился на первом. Мне кажется, что оно больше переключается с нашим временем. От той государственной машины, которая была в 44-м году, мы еще не отошли. Она так же по-прежнему скручена, гайками свинчена. Такое разрушить не так-то легко.

И еще я хотел бы сказать, что каждый, кто прочтет роман, видит героев по-своему и снимает свое кино. Необязательно совпадать со мной. Особенно много разночтений будет у критиков. А разговоры давно идут: мол, у Богомолова претензии к продюсеру Семаго, у Семаго – ко мне. А может, все это придумали журналисты?

– Как на самом деле?

– Зачем задавать вопросы, на которые я устал отвечать?

Беседу вела
Диана РАДБЕЛЬ

P.S. Пока есть только две копии фильма: одна в России, другая в Беларуси. Москва встретится с фильмом в канун праздников, 9 мая 2001 года.